

УДК 81'37

DOI 10.32999/ksu2413-3337/2019-36-36

К ИСТОКАМ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Владими́рова Татьяна Евге́ньевна,
 доктор филологических наук, профессор,
 профессор кафедры межкультурной коммуникации
 Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
 yusvlad@rambler.ru

Настоящая статья посвящена рассмотрению мифологем Неба и Земли, а также божеств-небожителей Рода и Рожаниц с целью раскрытия характерных особенностей восточнославянской мифопоэтической и паремической картин мира. Особое место в работе занимает анализ ключевых терминов родства, семантика которых прослеживается от начальной индоевропейской формы вплоть до их функционирования в белорусском, русском и украинском языках. Возникший на этом фундаменте социально-коммуникативный модус бытия соединял в себе личностный способ существования и единый принцип организации родоплеменных общностей, которые дополняли друг друга.

Материал предпринимаемого исследования включает мифы, предания, былины, пословицы и другие фольклорные источники. Это способствовало раскрытию специфических особенностей мировосприятия и бытия восточных славян, а следовательно, и более полному осмыслению данного фрагмента языковой, паремической и мифопоэтической картин мира.

Теоретико-методологическую основу представленного исследования составила, во-первых, холистическая методологическая традиция, которая восходит к античному триадному методу представления целостности. А во-вторых, культурно-историческая концепция сознания Г. Г. Шпета, который выделил основные ступени в эволюции архаичного сознания. Обращение к истокам мифопоэтической картины мира и лексико-семантического поля родства выявило направленность восточных славян на фратерниальные и семейно-родовые ценности.

Предпринятый анализ изменений плана выражения и плана содержания начальных индоевропейских форм позволил восполнить наши представления о динамично менявшейся языковой, паремической и мифопоэтической картине мира и раскрыть коллективистские корни восточнославянской культуры.

Ключевые слова: восточные славяне, картина мира, миф, термины родства, пословица, бытие.

TO THE ORIGINS OF THE EAST-SLAVIC WORLD PICTURE

Vladimirova Tatiana Evgenievna,
 Doctor of Philological Sciences, Full Professor,
 Professor at the Department of International Communication
 M. V. Lomonosov Moscow State University
 yusvlad@rambler.ru

This article is devoted to the consideration of the myths of Heaven and Earth, as well as the god of the celestial Rod and Rozhаница in order to reveal the characteristic features of the East Slavic mythopoetic and paremic pictures of the world. A special place in the work is occupied by the analysis of key kinship terms, the semantics of which can be traced from the initial Indo-European form to their functioning in the Belarusian, Russian and Ukrainian languages. The social-communicative mode of being that arose on this foundation united a personal way of existence and a single principle of organization of tribal communities that complemented each other.

The material of the undertaken research consisted of myths, legends, epics, proverbs and other folklore sources. This contributed to the disclosure of the specific features of the world perception and being of the Eastern Slavs, and consequently, a more complete understanding of this fragment of the linguistic and mythopoetic picture of the world.

The theoretical and methodological basis of the presented research was, firstly, a holistic methodological tradition, which goes back to the ancient triadic method of representing integrity. And secondly, the cultural-historical concept of consciousness of G. G. Shpet, who identified the main steps in the evolution of archaic consciousness. Appeal to the origins of the mythopoetic picture of the world and the lexical-semantic field of kinship revealed the orientation of the Eastern Slavs to fraternal and family-generic values.

The undertaken analysis of changes in the plan of expression and the plan of the content of the initial Indo-European forms allowed us to fill in our ideas about the dynamically changing linguistic, paremic and mythopoetic pictures of the world and being and reveal the collectivist roots of East Slavic culture.

Key words: Eastern Slavs, picture of the world, myth, kinship terms, proverb, being.

Каждое поколение по праву рождения в определенном лингвокультурном пространстве наследует язык, культуру и исторически сложившийся способ бытия. Так, энергичный импульс общеславянского языка стал связующей нитью для его наследников в прошлом, настоящем и будущем, а утвердившийся в сознании концептуальный образ мира – хранителем смысложизненных представлений и связанных с ними экзистенциальных переживаний. Поэтому язык не только удваивает окружающий человека мир, но приобретает экзистенциальное измерение, в котором отражается историко-культурное и этнолингвистическое своеобразие национальной языковой личности.

Цель настоящей работы – рассмотрение мифологем Неба и Земли, Рода и Рожаниц, а также терминов родства для выявления характерных особенностей восточнославянской языковой, паремической и мифопоэтической и картин мира.

Актуальность данной проблематики не вызывает сомнений в силу недостаточного внимания исследователей, с одной стороны, к истокам собственно языковой составляющей восточнославянской ментальности. А с другой – к ее изучению с позиций целостного единства лингвистики с психологией и философией. Ведь параллельно с межкультурным взаимодействием протекает не только диалог этико-культурных традиций. Достижение «полноты бытия» (М.М. Бахтин) в общении национальных языковых личностей становится возможным при общности миропонимания, смысложизненных установок и экзистенциального опыта коммуникантов, а также их готовности понять Другого.

Что же касается **теоретико-методологической базы**, то ее составили античная холистическая традиция и, в частности, аристотелевская концепция процесса, которая раскрывает языковую природу бытия и речи. Здесь мы имеем в виду триаду $dynamis - energeia - entelecheia$, где $dynamis$ (бытие как потенция / речевая интенция) и $energeia$ (бытие как жизнедеятельность / речевая деятельность) соотносятся с $entelecheia$, т. е. с представлением о совершенном жизненном пути / с искомым речевым совершенством [1, с. 232-233]. Поэтому наше языковое бытие базируется на прошлом опыте, но интенциональный план речевого поведения обращен в будущее и тем самым предвосхищает его. Внесение экзистенциально-онтологического измерения в рассмотрение языковой концептуализации мира и бытия открывает перспективу проследить эволюцию сущностных (энтелехийных) принципов бытия, которые получили выражение в развитии семантики слова, а также в мифах и пословицах [5].

В свою очередь исследовательский интерес к истокам самобытной восточнославянской картины мира потребовал опоры на историко-культурную концепцию Г.Г. Шпета. Согласно данному подходу, на начальном этапе эволюции человека исторически возникли и сосуществуют называющее (язык), религиозно-мифологическое и художественно-героическое сознание, которое в дальнейшем дополняется познающим (научно-техническим), культурно-историческим и философско-культурным сознанием. (В статье используются архивные материалы Г.Г. Шпета, опубликованные в: [9, с. 79-80].) Следовательно, чтобы выявить специфические черты восточнославянской картины мира, необходимо проследить ее становление, начиная с индоевропейского субстрата. Это позволит проследить развитие семантики от «первокорня» (У.О. Карпенко), а на этой основе выявить те фундаментальные смыслы и интуиции слова, которые обусловили формирование восточнославянской самобытной языковой, мифопоэтической и паремической картин мира и бытия.

Таким образом, в статье принимается металингвистический подход [3, с. 321-325], который восстанавливает связь лингвистики, культурологии и психологии с философской онтологией как учением о бытии и его сущностных основах.

Материал предприняемого исследования составили «Краткий этимологический словарь-тезаурус индоевропейских языков» М.М. Маковского (2014), «Словарь индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста (1970), «Историко-этимологический словарь русского языка» П.Я. Черных (1993), «Этимологический словарь современного русского языка» А.К. Шапошникова (2010); Этнолингвистический словарь «Славянские древности» под общей редакцией Н.И. Толстого (1994–2012), «Краткая энциклопедия славянской мифологии» Н.С. Шапаровой (2001), «Мифология Древней Руси» А.Н. Афанасьева (2006), Энциклопедический словарь «Мифы народов мира» под общей редакцией С.А. Токарева (1980–1982), «Пословица не даром молвится; Нема приповідки без правди...». Сборник русских, украинских, английских и французских пословиц Г.Н. Чусь (2016), «Русско-русинско-украинский фразеологический словарь» Д. Попа (2011), «Краткий русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразем» З. Санько (1991) и некоторые другие источники.

Славянские языки развились, согласно принятой концепции, на фундаменте индоевропейской дуальной «сетки координат»: *боги – люди, мужское – женское, небо – земля, сакральное – обыденное, старший – млад-*

шуй и др. [11]. Возникавшие на этой основе слова базировались на сакральных протопонятиях, чувственно-телесных первообразах и «понятийных мифах» (О.М. Фрейденберг) и сохраняли устойчивую связь со своим праязыком. Чтобы представить в первом приближении называющее сознание (язык), уходящее корнями в архаичную эпоху эволюции человека, попытаемся проследить развитие семантики ключевых терминов родства в славянских языках.

1. Номинации отца айцец (белор.), отицц (русин.), отец (русск.) и отець (украин.) восходят к общеславянской лексеме *отьсь (Ср: отець (болг.), ojciec (польск.), òтац (серб.), otec (словац., чешск.), óče (словен.) и др.) < индоевр. *ǵt̥ta 'принадлежащий к родовому классу мужчин-отцов'. (Ср.: at̥tī (санскр.). атта (греч.), атта (латин.), атта (готск.), атто (др.-в.-немец.), otikos (кельт.) и др.)

Обобщенный характер восточнославянских терминов родства объясняется тем, что в эпоху полигамных отношений все старшие мужчины большой экзогамной семьи считались отцами и членами фратрии *φράτρα* (*phrātra*), носящей имя прародителя-тотема [5, с. 147]. Поэтому «первоначально члены рода употребляли термин *отьсь* как название ближайшего отца, который сам был в сущности 'отцов' (*ǵt̥t-iko-s*), т. е. происходил от старшего, общего отца (слав. *оть, и.-е. *ǵt̥ta)» [22, с. 26]. Таким образом, сформировавшийся на этой основе у индоевропейцев культ Первопредка (*Hordʰu-) объединял потомков на основе не кровного, а мистического родства.

Что же касается срединного удвоения согласного в *ǵt̥ta, то оно рассматривается как средство выражения речевой экспрессии, свойственной обыденной речи. Есть основания полагать, что экспрессивность характерна и для производных от него номинаций с тем же значением: индоевр. *tāta- > общеслав. *tata > тата (белор.), тато (русин.), тятя, тата (русск.), тато, татко (украин.) (Ср.: тато, татко, теуко (болг.), тата, татко (польск.), тата, татенко (словац.), тата (чешск.) и др.) [22, с. 18, 23; 24, с. 278].

Таким образом, фратриальный принцип организации родоплеменных общностей упорядочивал брачные отношения (дуальная экзогамия), создавая лучшие условия для выживания первобытных общностей. Более того, славянский культ Первопредка выполнял функцию культурной доминанты бытия.

Архаичное сознание, строго различавшее сферы сакрального и обыденного (профанного, мирского), исключало использование слова *ǵt̥ta и производных от него в качестве обращения к языческим богам. Для ритуальных церемоний у индоевропейцев существовал специальный термин *pāter (< индоевр.

*pā- 'кормить', 'оплодотворять'), который предназначался для молитвенных обращений к богу [4, с. 147; 14, с. 188]. В качестве примера сошлемся на имя «бога неба, света и грозы» Юпитера (*Jupiter*), образованное от латинского вокатива **dyeu pāter* 'Небо отче!' и восходившее к призыванию Зевса *Zeū páter* (*Zeū pátéř*) [4, с. 148]. При этом имя Зевса (< индоевр. **deiuo* 'дневное сияющее небо') античная этимология связывала с такими понятиями, как «жизнь», «кипение», «орошение», т. е. «с тем, через что всё существует» [14, с. 463].

Таким образом, **pāter* был классификационным понятием, служившим для называния «бога-отца» в ритуалах и при обращении к нему. Возможно, к индоевропейскому **pāter* восходит славянский обыденный термин родства **bat'a* 'старший брат, отец, дядя, старший мужчина' с экспрессивно усиленным начальным согласным, который стал основой для белорусской, русской и украинской номинаций *бацька / батя / батько* [27, с. 51]. Например: *баца* (болг.), *бата* (болг. диал.), *башта* (серб.), *бато* (серб. диал.), *bat'a* (чешск.), *bat'a, bat'ko* (словац.) и др. [22, с. 21].

Следовательно, сакральный термин родства **pāter* и сакрализованный термин **ǵt̥ta*, изначально аккумулировавший сему культа Первопредка, послужили производящей основой для общеславянских, а затем и для восточнославянских терминов родства, ставших частью единого сакрального мировосприятия.

Что же касается именованья «бога-отца», то славяне использовали общеславянскую лексему **bogъ* (< индоевр. **bhag-* 'наделять, раздавать'). (Ср.: др.-инд. *Bhága-* 'бог' и *bhájati* 'делить', авест. *baγa-*, др.-перс. *baga* 'бог, господин, распорядитель' [14, с. 113; 22, с. 98].)

Так, в языческой культуре славян появились Белобог, Чернобог, Стрибог, Дажьбог, а также известный лишь по ритуальным песням и заклинаниям Велибог, почитавшийся как бог-распорядитель земных благ.

С распространением христианского вероучения лексема **отьсь* существенно расширила свой понятийный объем и стала использоваться при именовании Бога-Отца и обращении к Всевышнему (*Отче Наш!*), а также для называния священнослужителей, монахов и при обращении к ним. Коннотацию причастности к высшим духовным ценностям получило и ласково-почтительная русская лексема *батюшка*. Аналогичным образом сакральный термин **pāter* утвердился в качестве универсальной номинации отца во всех неславянских индоевропейских языках. Например: *father* (англ.), *padre* (испан., итал.), *Pater* (немец.), *père* (франц.), *fader* (швед.) и др.

А с принятием католического вероисповедания латинское *pater* стало употребляться при обращении к Богу (*Pater noster!*) и для называния служителей культа и монахов, а также при обращении к ним.

2. Номинации матери маці (белор.), *мати* (русин., украин.) и *мать* (русск.) восходят к общеславянским **mati* (род. п. **materē*) 'мать' (< индоевр. **māter* < **mad-* 'влага' и **mā-* 'спелый', 'плод матери' [14, с. 188]. Подобно терминологической паре < **pāter* – **ātta* >, в индоевропейском языке, согласно предположению Э. Бенвениста, параллельно существовала понятийная пара < **māter* – **anna* >, где первый член также принадлежал сакральной сфере (классификационное наименование), а второй – использовался по отношению к физическим лицам, связанным кровным родством [4, с. 149]. (Ср.: *anna-* (хеттск.), *αννις* (греч.), *anni-* (лувийск.), а также латин. *анна* 'кормящая мать').

В отличие от концептуализации отца, номинации матери во всех индоевропейских языках образованы от сакрального **māter*. Например: *mother* (англ.), *mair* (армян.), *майка* (болг.), *māta* (др.-инд.), *mathir* (ирлан.), *madre* (испан., итал.), *mater* (латин.), *motina* (латыш.), *mate* (литов.), *madar* (н.-перс.), *Mütter* (немец.), *μητέρα* (н.-греч.), *matka* (польск., словац., чешск.), *mātu* (сербо-хорв.), *māti* (словен.), *mère* (франц.), *moder* (швед.) и др.

С утверждением христианства бытовавшие номинации матери стали употребляться для называния служительниц церкви и монахинь, а также при обращении к ним. Для именования Божией Матери у славян были приняты различные номинации: *Багародзица* (блр.), *Matka Boska* (пол.), *Богородица* (русин., украин.), *Богородица* (русск.), *Богородица* (серб.), *Naša dama, Panna* (словац.), *Naša dama, Devica* (словен.), *Panna Maria* (чешск.) и др.

Предпринятый историко-этимологический анализ выявил различные тенденции концептуализации отцовства в славянских и западноевропейских языках. Комментируя эту ситуацию, Э. Бенвенист писал: «Если в одной части индоевропейского ареала возобладавал термин *atta*, то причина этого, вероятно, кроется в ряде глубоких изменений в религиозных представлениях и в социальной структуре общества. И действительно, там, где употребляется исключительно слово *atta*, не осталось и следа от древних мифологических представлений, в которых господствовал бог-«отец»» [4, с. 148].

В поисках причин сложившейся языковой ситуации обратим внимание на следующие этнопсихолингвистические, историко-культурные и экзистенциальные особенности становления национальных языковых личностей.

В рассмотренных восточнославянских терминах были «оязыковлены» стоявшие за ними архетипические представления («первичные схемы образов» – К.Г. Юнг). Так, в номинациях *тата*, *айцец* (белор.), *отиць*, *тато* (русин.), *отец*, *тятя*, *тата* (русск.) и *тато*, *отець* (украин.) получил выражение архетип Первопредка; в номинациях *бацька* (белор.), *батя* (русск.) и *батько* (украин.) – архетип Старшего; в номинациях *маці* (белор.), *мати* (русин., украин.) и *мать* (русск.) – архетип Матери (Матери-Земли).

3. Мифологемы Неба-отца и Земли-матери восходят к индоевропейским лексемам **nebhos-* 'небо' и **g'hemiā-* 'земля'. При этом небо воспринималось как оплодотворяющее (мужское) начало, а земля – как начало рождающее (женское). Возникший на этой основе миф об их супружеском союзе, с одной стороны, отражал, «космизацию "первых людей" – фратриальных первопредков, а с другой – перенесение семейно-брачных отношений на природные объекты» [15, с. 204]. Так, обожествляя гармоничную упорядоченность неба и плодородие земли, человек преодолевал хаос непредсказуемого мира природы.

Возникшие на основе этих представлений обряды и ритуалы включали в себя призывы к Небу-отцу и Земле-матери. В подтверждение приведем следующие ритуальные обращения восточных славян: *Ты, Небо-отиць, ты, Земля-мати!* (русин.); *Ты, Небо-отец, ты, Земля-мать!* (русск.); *Ти, Небо-батько, ти, Земля-мати!* (украин.) [18].

Обращает на себя внимание и следующая особенность: славянская номинация **nebo* (род. п. **nebese*, им. мн. ч. *nebesa*) восходит к индоевропейской лексеме **nebhos-* 'неблестящий, неясный', 'облако, облачное небо'. Сравните: др.-инд. *náblas* 'туман, пар, небо', греч. *νέφος* 'облако', немец. *Nebel* 'туман'.

Отсутствие у славян номинации, восходящей к индоевропейской лексеме **deiuo* 'дневное сияющее небо', – следствие преимущественно пасмурного, облачного неба в ареале их проживания, что, как представляется, оказало определенное влияние на развития культурно-языковой и мифопоэтической картин мира. В этом контексте примечательны следующие размышления А.Д. Дуличенко: «Древние славяне, видимо, не поклонялись солнцу (в отличие от некоторых древнеиранских племен) и не видели в нем главного божества» [8, с. 170]. Вместе с тем славяне по солнцу предсказывали погоду и урожай, традиционно строили дома, чтобы окна выходили на восточную (солнечную) сторону, и носили обереги с символическим изображением солнца.

Если на ранней стадии развития «женщина занимала доминирующее положение в жизни

родовой общины, поскольку ее труд (собирачество, мотыжное земледелие) имел решающее значение для добывания пищи» [20, с. 337], то с переходом к более сложным и трудоемким формам земледелия, скотоводства, производства орудий труда и оружия ситуация изменилась. Отныне главой семьи стал отец, а за матерью закрепилась функция воспитания детей и ведение домашнего хозяйства. Так, на основе соучастного семейного бытия постепенно складывалась славянская «семейно-родовая община» (Г.В. Вернадский).

4. Мифологемы Рода и Рожаниц олицетворяли единство потомков Первопредка (< индоевр. *Hord^hu-) и природные родящие силы: *Род седя на воздухе мечеть на землю груды и в том ражаются дети*. Подтверждения этому содержатся и в поучениях Церкви против язычества, где писалась, что Оленихами-рожаницами «наричють семь звезд» («Большую Медведицу») и что «каши варять на собрание рожаницам», «начали трапезу ставити» «крають хлебы и сыры и мед» [21, с. 141, 600]. Почитание всесильного Рода, «отца и мать всех богов», сохранялось вплоть до конца XIII в. [13, с. 102–103], а культ зооантропоморфных Рожаниц, которые нарекали судьбу младенцам, фиксировался исследователями в начале XX века. (Подробнее о Небесных оленихах-рожаницах см. в: [6].)

Согласно русинскому преданию, записанному на севере Молдавии, Род-Отец создал из земли *чуловика* и *жинку*, от которых пошел весь род людской. Но первые люди-титаны прогневили его и были отправлены им в *Вэлэку Яму*. А чтобы они не вылезли, Род сотворил из оставшейся земли Карпаты, которые отделили подземный мир от *билого свиту*. Потом Род-Отец обратился к богатырю Святогору: *Стань конём на Карпатэ, / Прэтэснэ цэ крэтя горбатэ, / Шоб нэ вэлиз твий Тато-Яма, / А з нэм и Пэрва Мама. / Бо будэ бида вэлэка, / И пидэ вона далэко! / Бо так трусэ вин Карпатэ, / Шо злитае и гожяк с хатэ!* Поэтому, когда в Карпатах дрожит земля, русины говорят, что это *хочэ вэлизтэ з вэлэкуи ямэ пэрвый чулувик* [11].

Благодаря этому сказанию становится понятным, почему богатырь, обладая сверхъестественной силой, бездействует. Святогор – сын первой супружеской пары, которая была наказана своим творцом за прегрешения. В этой связи заметим, что кровная связь Святогора с титанами обнаруживает определенное сходство, а возможно, и восходит к античному мотиву несовершенства первых поколений детей от брака Земли (Геи) и Неба (Урана), у которых вслед за циклопами и чудовищами родились необузданные титаны и титаниды (Гесиод «Теогония»).

Родство Святогора с несовершенными первыми людьми объясняет и его хвастовство: *Кабы я тяги нашел, так поднял бы землю!* Когда же «горный великан» встретился с богатырем-пахарем Микулой Селяниновичем, то не смог поднять с земли его суму, в которой была вся *тягость земная*, лишь сам по колено ушел в землю. А Микула Селянинович одной рукой поднял ее, потому что труженику-земледельцу по плечу его ноша и поэтому *весь род Микулов любит Матушка Сыра Земля*.

Таким образом, миф подчеркивал высокую значимость крестьянского труда и обреченность бездеятельного существования. Когда же, согласно русской былине, Святогор встретил в открытом поле гроб, то, примерив его, понял, что для него *гроб сей из тучи выпал*. И тогда он передал часть своей силы Илье Муромцу, с которым он побратался, и сказал: *А сам ты поезжай на святую Русь, / Воюй теперь со всеми богатырьми – / Тебе в чистом поле смерть не писана*.

Так, былина о Святогоре и Илье Муромце, за которой стоят носители религиозно-мифологического и художественно-героического сознания, выразила отношение к труду крестьянина-пахаря и к ратным подвигам богатыря-защитника Земли-матери. И в этом, как представляется, заключается сущностный (энтелехийный) фундамент самосознания и бытия восточнославянской «семейно-родовой общины» (Г.В. Вернадский). В качестве иллюстрации обратимся к пословицам как достоверному источнику смыслоязычных представлений, идеалов и ценностных установок бытия.

5. Паремическая картина мира восточных славян, в которой получили выражение долговременная ориентация на семейно-родовые, фратерниальные и общинные ценности, сформировала самобытный модус личностного существования в рамках коллективистской культуры восточных славян.

Принимая во внимание многовековое присутствие в народном сознании представлений о могуществе Рода, который оберегал единство и благополучие сородичей, а также Рожаниц, нарекавших судьбу младенцам, отнесем эти мифологемы к доминантам наивной картины мира восточных славян. А в качестве иллюстрации всевластия судьбы, записанной в «книгу Рода», приведем белорусские, русские и украинские пословицы, обращая внимание на их тождественность или близость.

Белорусский язык: *Так яму на родзе напісана; Хто на што нарадзіўся; Такі яго лёс; Што будзе суджана, тое не будзе адгуджана; Такий ё, удколі ся нащадив; Які род, такі і плод; Якое семя, такое і емя; Каліка уд віка, а жебрак уд рода; У кашулі нарадзіўся* [19];

Русский язык: Так ему на роду написано; Кто на что родился; Такова его судьба; Чему быть, того не миновать; Таким уродился; Каково семя, таково и племя; Еще никто старым не родился; Калека споконвека, а нищий от рожденья; В рубашке родился [17];

Украинский язык: Так йому на роду написано; Хто для чого народився; Така його доля; Чому бути, того не минути; Таким народився; Яке зілля, таке й насіння; Каліка споконвіка, а старець від народження; Ще ніхто старим не вродився; В сорочці народився [25, с. 18].

Олицетворяя единство всех поколений, восходящих к Первопредку, Род воспринимался также как верховное божество, от которого зависело благополучие всех сородичей. Однако дошедшая до нашего времени восточнославянская паремическая картина мира и бытия не только отражает укорененные в сознании экзистенциальные размышления о непредсказуемой судьбе и тяготах жизни, но раскрывает коллективистскую доминанту ценностных установок и сложившегося способа бытия.

Белорусский язык: Добрае братэрства – лепшае багацце; У сваёй хаце і вузлы памагаюць; Цяснота – не крывота; Двор без гаспадара плача; Каша – пацеха наша; Слаўная хата не вугламі, але пірагамі; Бог першы, а сусед другі; Добры сусед – як блізкая радня; Добра там жывецца, дзе гуртам свецца і жнеца; Лепш сто сяброў, чым сто рублёў; Дружным статку воўк не страшны; Адзін дасужы, ды не дужы; Адзін дуб у полі – то не лес; Адна пчала мёду не наносіць; Адна галавешка і в печі гасне, а дзі і в полі падпалена [19];

Русский язык: Доброе братство – лучшее богатство; Дома и стены помогают; Не взяла бы лихота, не возьмет и теснота; Без хозяина – дом сирота; Пусть будет одна каша, была б дружной семья наша; Не красна изба углами, а красна пирогами; Бог первый, а сосед второй; Хороший сосед – как близкая родня; Дружно – не грузно, а врозь, хоть брось; Артельная каша лучше; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Дружному стаду волк не страшен; Один в поле не воин; Одна головня и в печи гаснет, а две и в чистом поле дымят [17];

Украинский язык: Добре братство – краще багатства; Всюди добре, та дома найкраще; Хоч не пишно, та затишно; Без господаря двір плаче; Нехай буде одна каша, була б дружна сім'я наша; Не чепурна хата убранням, та щедра частуванням; Бог перший, а сусід другий; В гурті робити, як з гори бігти; Берись дружно – не буде сутижно; У гурті й каша добре їсться; Не май сто кіп у полі, а май друзів доволі; Дружні сороки й

орла заклюють; Одна бджола мало меду наносить; Одна головешка і в печі гасне, а дві і в полі горять [25; 18].

6. Латинская паремическая картина мира и бытия формировалась на основе иной этико-правовой направленности. Прежде всего, обратим внимание на следующее обстоятельство. Принятые в этом ареале номинации отцовства восходят к индоевропейскому термину **pater*, который изначально вбирал в себя архетип Божественного Света (**deiuo*), присущего Отцу-Небу. Это позволяет проследить динамику семантических изменений сакральной индоевропейской лексемы **pater* в латинский обыденный термин родства *pater*: **pater* 'высшее божество' > *pater familias* 'высший глава семейства' > *pater* 'отец в физическом смысле'. Вместе с тем, постепенно утратив мистическую сакральность, глава семейства (*pater familias*) в Римской империи получил практически неограниченную власть над детьми, несколько меньшую власть над женой и абсолютную – над рабами, что было закреплено законодательно [20, 414].

Утвердившееся в этой этнопсихолингвистической, историко-культурной и экзистенциальной ситуации понимание личности как свободного и вместе с тем подчиненного государству субъекта способствовало становлению индивидуалистическому способу существования, в котором высоко оценивался уровень самосознания, самоактуализации и ответственности отдельного человека перед законом. В подтверждение обратимся к латинской афористике. В этой связи отметим, что латинские крылатые фразеологизмы были унаследованы западноевропейской культурой и вошли во все индоевропейские языки, что способствовало становлению индивидуалистической культуры:

Civis Romanus sum / Я римский гражданин; *Proximus sum egomet mihi* / Я сам себе самый близкий; *Si etiam omnes, ego non* / Даже если все, то я – нет; *In arenam cum aequalibus descendit* / Я вышел на арену против своих современников; *Ego nominor leo* / Я называюсь львом; *Exegi monumentum* / Я памятник воздвиг; *Feci, quod potui, faciant meliora potentes* / Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше; *Dum spiro, spero* / Пока живу, надеюсь и др. [2].

В приведенных крылатых словах обращает на себя внимание акцентированное личностное начало, которое реализуется в форме четких, преимущественно 2-составных синтаксических конструкций с глаголами в форме 1 лица единственного лица, которая не характерна для восточнославянских пословиц. Что же касается формы 1-го лица множественного числа, то она встречается

в латинских афоризмах значительно реже и обычно представляет собой приглашение к совместному действию в публичных выступлениях и речах во время застолья. Например, *Gaudeamus igitur! / Итак, будем веселиться!*; *Impavide progrediamur / Будем идти вперед без колебаний*) и некоторые другие (*Nos habebit humus / Нас примет земля*; *Ignoramus et semper ignorabimus / Мы не знаем и никогда не узнаем*).

В этой связи примечательно, что анализ 286 пословиц и 175 крылатых выражений, собранных в лингвострановедческом словаре В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова, выявил в совокупности не более 5 % суждений от 1-го лица: *Без меня меня женили; Язык мой – враг мой; Пора, мой друг, пора; Там хорошо, где нас нет; Будет и на нашей улице праздник* и др. [23].

Таким образом, анализ начальных индоевропейских форм через призму собственно языковой, мифопоэтической и паремической картин мира раскрывает различную доминирующую направленность восточнославянского и западноевропейского способа бытия. Сакрализованные представления об отце, уходящие корнями в почитание Первопредка, обусловили становление семейно-родовой общины и в итоге коллективистский модус культуры восточных славян. Унаследовав сакральный статус отца и представления о его бесспорном лидерстве в семье, западноевропейский способ бытия развивался, следуя индивидуалистическим ценностным ориентирам и установкам бытия.

Подведем итоги. Рассмотрение восточнославянских терминов родства, мифов и пословиц на фоне западноевропейской лингвокультурной традиции выявило существенные различия ценностно-семантического пласта, за которым стоят древнейшие архетипы и возникшие на их основе мифологемы и паремии.

Предпринятый сравнительный анализ восточнославянской и западноевропейской языковой, мифопоэтической и паремической картин мира через призму называющего, религиозно-мифологического и художественно-героического сознания позволяет заключить, что в своих истоках славянское единство «обладало большею внутренней спаянностью, чем относительное единство многих других ветвей индоевропейской языковой семьи» [7, с. 3]. Исследовательский интерес к данной проблематике возвращает нас к идее создания восточнославянского «атласа духовной культуры», выдвинутой академиком Н.И. Толстым в 70-ые годы

прошлого века и не утратившей своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Метафизика. Москва : Эксмо, 2008. 608 с.
2. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов / под ред. Я.М. Боровского. – Москва : Русский язык, 1986. 960 с.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. *Работы 1940-х – начала 1960-х годов*. Москва : Русские словари, 1997. 731 с.
4. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Москва : Прогресс-Универс, 1970. 456 с.
5. Владимирова Т. Е. Русский код бытия: тенденции становления и развития. *Метафизика*. 2011. № 1. С. 185–204.
6. Владимирова Т.Е. Сакральный код евразийских мифов о тотеме-первопредке. *Сибирский филологический журнал*. 2017. № 3. С. 5–18.
7. Горнунг Б.В. Из предьстории образования общеславянского единства. Москва : Изд-во АН СССР, 1963. 143 с.
8. Дуличенко А.Д. Введение в славянскую филологию. М. : Флинта, 2014. 720 с.
9. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянской культуры, 2010. 592 с.
10. Иванов Ю.В. Мифологические параллели в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» и в преданиях русинов Севера Молдавии. *«Золотой Лев»* № 97-98.
11. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука. 246 с.
12. Карпенко У.А. Трансляция смысла и трансформация значений первокожня. Киев : Освита України, 2013. 495 с.
13. Комарович В.Л. Культ Рода и земли в княжеской среде XI – XII вв. *Труды Отдела древнерусской литературы*. М.- Л. : Изд-во АН СССР. 1960. Т. XVI. С. 84–104.
14. Маковский М.М. Малый этимологический словарь современного французского языка. Москва : ЛЕНАНД, 2016. 240 с.
15. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Москва : Наука, 1976. 407 с.
16. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах) / гл. ред. С. А. Токарев. Москва : Советская Энциклопедия, 1988. Т. 1. 672 с. Т. 2. 719 с.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
18. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород: [б/и], 2011. 241 с.
19. Санько З.Ф. Краткий русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразем. – Минск: Наука і тэхніка, 1991. 245 с.
20. Словарь античности. / пер. с нем. Москва : Прогресс, 1989. 704 с.
21. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Москва : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958. 1420 с.
22. Трубочев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва: КомКнига, 2009. 240 с.
23. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. Москва : Русский язык, 1979. 240 с.
24. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Москва : Русский язык. 1993. Т. 1. 623 с. Т. 2. 560 с.
25. Чусь Г.Н. Пословица не даром молвится; Нема приповідки без правди. *Сборник русских, украинских, английских и французских пословиц*. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 256 с.
26. Шапарова Н.С. (составитель). Краткая энциклопедия славянской мифологии. Москва : АСТ, Астрель, Русские словари, 2001. 624 с.
27. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва: Флинта : Наука, 2010. Т. 1. 584 с. Т. 2. 576 с.

REFERENCES:

1. Aristotel (2008). *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow : Eksmo. [in Russian].
2. Babichev, N.T., Borovskiy, Ya.M. (1986). *Slovar latinskih krylatyih slov* [Dictionary of Latin Idioms] / pod red. Ya.M. Borovskogo. Moscow : Russkiy yazyk. [in Russian].
3. Bahtin, M.M. (1997). *Sobranie sochineniy: v 7 t* [Collection of works in 7 volumes]. T. 5. *Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov*. Moscow : Russkie slovari. [in Russian].
4. Benvenist, E. (1970). *Slovar indoevropskikh sotsialnyih terminov* [Dictionary of Indoeuropean social terms]. Moscow : Progress-Univers. [in Russian].
5. Vladimirova, T.E. (2011). *Russkiy kod bytiya: tendentsii stanovleniya i razvitiya* [Russian code of existence: tendencies of formation and development]. *Metafizika*. 1. [in Russian].
6. Vladimirova, T.E. (2017). *Sakralniy kod evraziyskikh mifov o toteme-pervopredke* [Sacral code of the Eurasian myths about the forefather totem]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 3. [in Russian].
7. Gornung, B.V. (1963). *Iz predyistorii obrazovaniya obschleslavianskogo edinstva* [From the prehistory of emergence of Pan Slavic unity]. Moscow : Izd-vo AN SSSR. [in Russian].
8. Dulichenko, A.D. (2014). *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [Introduction to the Slavic philology]. Moscow : Flinta. [in Russian].
9. Zinchenko, V.P. (2010). *Soznanie i tvorcheskiy akt* [Consciousness and creative act]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kulturyi.
10. Ivanov, Yu.V. *Mifologicheskie paralleli v povesti N. V. Gogolya «Strashnaya mest» i v predaniyah rusinov Severa Moldavii* [Mythological parallels in the N. V. Gogol's story "Terrible Revenge" and in the legends of the Rusins of the North of Moldova.]. *«Zolotoy Lev»*. [in Russian].
11. Ivanov, V.V., Toporov, V.N. *Slavyanskije yazykovyie modeliruyuschie semioticheskie sistemy (Drevniy period)* [Slavic linguistic simulating semiotic systems (Ancient period)]. Moscow : Nauka. [in Russian].
12. Karpenko, U.A. (2013). *Translyatsiya smysla i transformatsiya znacheniy pervokornya* [Transfer of meaning and transformation of the first root values]. Kiev: Osvita Ukrainyi. [in Russian].
13. Komarovich, V.L. (1960). *Kult Roda i zemli v knyazheskoy srede XI – XII vv* [The cult of the clan and land in the princely environment of the XI - XII centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. M.- L. : Izd-vo AN SSSR. 1960. T. XVI. [in Russian].
14. Makovskiy, M. M. (2016). *Malyiy etimologicheskii slovar sovremennoy frantsuzskogo yazyka* [Small Etymological dictionary of modern French language]. Moscow : LENAND. [in Russian].
15. Meletinitskiy, E.M. (1976). *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow : Nauka. [in Russian].
16. *Mifyi narodov mira*. [Myths of people of the world]. *Entsiklopediya*. (V 2 tomah) / gl. red. S. A. Tokarev. Moscow : Sovetskaya Entsiklopediya, 1988. T. 1. 672 s. T. 2. [in Russian].
17. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G., Nikolaeva, E.K. (2010). *Bolshoy slovar russkikh poslovits* [Big Dictionary of Russian proverbs]. Moscow : ZAO «OLMA Media Grupp». [in Russian].
18. Pop, D. 92011). *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i rusko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [Rusins-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian phraseological dictionary]. Uzhgorod : [b/i]. [in Russian].
19. Sanko, Z.F. (1991). *Kratkiy russko-beloruskiy slovar poslovits, pogovorok i frazem*. [A brief Russian-Belorussian dictionary of proverbs, sayings and phrases]. Minsk : Nauka i tehnska. [in Russian].
20. *Slovar antichnosti* (1989). [Dictionary of antiquity]/per. s nem.(1989). Moscow : Progress.
21. Sreznevskiy, I.I. (1958). *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka*. [Materials for the dictionary of old Russian language]. T. 3. Moscow : Gosizdat inostrannyih i natsionalnyih slovarey. [in Russian].
22. Trubachev, O.N. (2009). *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshih terminov obschestvennogo stroya*. [History of Slavic terms of kinship and some ancient terms of the social system]. Moscow : KomKniga. [in Russian].
23. Felitsyina, V.P., Prohorov, Yu.E. (1979). *Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatyie vyrazheniya* [Russian proverbs, sayings and idioms]. *Lingvostranovedcheskiy slovar*. Moscow : Russkiy yazyk. [in Russian].
24. Chernyih, P.Ya. (1993). *Istoriko-etimologicheskii slovar russkogo yazyka* [Historic and etymological dictionary of Russian language]. Moscow : Russkiy yazyk. T.1, T. 2. [in Russian].
25. Chus, G.N. (2016). *Poslovitsa ne darom molvitsya; Nema pripovidki bez pravdi* [A proverb can always be used to the point; There is no compliment without the truth]. *Sbornik russkikh, ukrainskikh, angliyskikh i frantsuzskikh poslovits*. Moscow: Knizhnyiy dom «LIBROKOM». [in Russian].
26. Shaparova, N.S. (sostavitel) (2001). *Kratkaya entsiklopediya slavyanskoy mifologii* [A brief encyclopedia of Slavic mythology]. Moscow : AST, Astrel, Russkie slovari. [in Russian].
27. Shaposhnikov, A.K (2010). *Etimologicheskii slovar sovremennoy russkogo yazyka* [Etymological dictionary of modern Russian language]. v 2 t. – Moscow : Flinta : Nauka, T. 1. 584 s. T. 2. [in Russian].